

ЖИТЬ С МАТРАСКИНОЙ.

О Матраскиной и Нахопетева | Страшный Сон Нахопетева | После Полного Расцвета Сил
Пауза Нежности | Два Одиночества | Девочки Никогда не Ссорятся | Пару Слов о Любви
Моя Половая Роль | Перекур | Кухонные Посиделки | Дилеммы Матраскиной
Страшный Сон Матраскиной | Лото Матраскиной | Гений Нахопетева | Не Везет Нам в Карты...
Третий Лишний

И Бунт Матраскиной Вместо Предисловия.

- Все. Ну, тебя на хуй! Надоела. Буду жить просто, то есть одна. Покупать проституток в кружевном белье и мартини в разлив. Читать похабные рассказы, курить в постели и жрать по ночам. Напиваться в блевотный порошок, испытывать, по утрам, все прелести похмелья, и ни перед кем, не буду виновата... Буду рисовать на обоях, сниму, на хрен, все занавески и буду ходить голая по квартире!.. Мне стесняться нечего!... А когда совсем делать будет нечего - я что-нибудь придумаю! Понятно?!...

О Матраскиной и Нахопетева.

Матраскина, она такая... Она всегда чего-нибудь хочет, но чаще все-таки, кого-нибудь. Обычно - женщин. Чего хочет Нахопетов, не известно никому, и самому Нахопетову тоже. Впрочем, это его не стесняет, а нас и подавно. Матраскина спит со всем, что движется. Потом старательно, с замиранием сердца, заносит всех своих постельных подруг в книжечку с интригующим названием:

"Приход - В расход"

с подробным рисованием схем, как и куда, ну и с комментариями, конечно. Но, в общем, она девчонка добрая и неприкаянная. Нахопетов наоборот, отличается удивительно практичным подходом ко всему. Его основательность не знает границ, от его практичности подчас тошнит и хочется волком выть, но именно она (практичность), спасает наш мир от Хаоса.

Страшный Сон Нахопетева.

Талантливо испытав множественный оргазм, Матраскина нагло дрыхла, а я старательно считала овец, в надежде поскорей присоединится к сонной половине. И когда уже все овцы были посчитаны, рассортированы по весу, цвету и сексуальной ориентации, вдруг:

- Ааааааааа!!! - и с диким воплем ворвался Нахопетов. Бледный, дрожащий и почему-то в трусах. Этому факту я поразилась чрезвычайно.

- Ужас!.. Ужас!!! УЖАС!... - потрясенно проорал он и грохнулся в обморок.

Полив его из чайника холодной водой, и приведя, тем самым в чувство, поинтересовались, что же такого неординарного стряслось?

- Мне приснилось, - простонал Нахопетов, - что я женщина!... Представляете?...

- Блядь... - слабо обиделась Матраскина, собираясь заново уснуть, - представь себе: я тоже женщина...

- Да, - запротестовал Нахопетов, - но я - то не женщина!

Матраскина уже спала, чего я допустить не могла и не хотела - у меня же бессонница, и я принялась тормошить свою наглуго жену:

- Но Нахопетов же не женщина! - возмутилась я, - пойми ты!...

- Если он не женщина, - резонно возразила Матраскина, - то, что он делает в нашей спальне?...

Над этим вопросом мы никогда ранее не задумывались...

- Тетки... - возмутился Нахопетов, - я к вам-как к родным, а вы меня - как чужого...

- Нет, ну Нахопетов, - извиняясь, проснулась Матраскина, - нет, ну ты точно не женщина. Женщины же не бреются по утрам... и писают они сидя...

- Фу... - Нахопетов выглядел почти счастливо.

- Ой, - нечаянно вспомнила я, - а у меня была одна знакомая девица, она все время писала стоя...

Нахопетов стремительно помрачнел.

- Но она не от рождения такая... - поспешила я его утешить, - она очень долго тренировалась!...

- Дура, твоя девица. - обозлилась Матраскина, - дура...

И мы погрузились в тягостные размышления о непутевых девушках писающих стоя.

- Но постойте... - вдруг озадачилась Матраскина, - женщины ходят на свидания к мужчинам... Значит ты Нахопетов, женщина...

- Да. - подтвердила я, - ты же ходишь на свидания к мужчинам?

- Хожу... - обречено подтвердил Нахопетов, - раз в неделю... хожу... - и он убито сел на пол, понуро склонив голову.

- Ну, ну... не отчаивайся, - утешили мы его, - быть женщиной не так уж и плохо. Честно-честно...

Но Нахопетов плакал. Тихо и незаметно.

- Боже, - вдруг озарило меня, - боже мой!...

- Что? Что такое? - занервничала Матраскина, - да, что же такое?... - тормошила она меня,

- черт возьми, да ЧТО?

- Нахопетов не может быть женщиной...

- Почему?

- Да, почему? - у Нахопетева стремительно просохли слезы.

- Да, потому. - я перешла на шепот, - потому что он ходит в МУЖСКИХ ТРУСАХ...

- А-а-а! - Нахопетов радостно вскочил, - я же говорил! Я же знал! Я мужчина!

Женщины не ходят в мужских трусах! Не ходят в мужских трусах!!! - и он радостно плясал на месте.

- Ура, ура!!! - хлопала в ладоши Матраскина, - надо это отметить, внесите шампанское!..

- Хотя... - вдруг вспомнилось мне, - была у меня одна знакомая девица...

После Полного Расцвета Сил.

Матраскина была зло озабоченна. Она хищно металась от края к краю крыши, на которой мы сидели, и напряженно вглядываясь в лица проходящих внизу женщин, искала. От напряжения окуляр ее подзорной трубы постоянно запотевал и, матерясь, Матраскина протирала его рукавом своего теплого пальто.

- Остынь, Матраскина, - я беззаботно болтала ногами и курила, - тебе сегодня ничего не светит!..

Было удивительно тепло, но сыро. Бабье лето.

- Но почему?!... - недоумевала Матраскина, - почему при живой-то жене, я вынуждена постоянно искать женщин?!... А-а-а?!..

- Эх, Матраскина, Матраскина, - я скинула вниз докуренную сигарету, - да ты б с ума сошла, если бы у тебя была только я... Представляешь себе?

- Да-а-а... - Матраскина туманно посмотрела на меня, - вот ужас-то был...

- Да! А так - какое поле деятельности! Какое пространство для маневров! И сколько удивительных оргазмов!..

- И от таких разных... - размечталась Матраскина.

- Вот, вот... Так что, скажи спасибо и давай ищи... Вон, - я ткнула в высокую бледноволосую девушку, - ничего себе!..

- Да-а-а... Интересная... Похоже иностранка...

- Почти. Литовка.

Мы с Матраскиной недоуменно переглянулись. Голос был явно не наш.

- Герда... Герда Радвейхите...

Обернувшись, мы обнаружили невысокого дядечку, с пузиком, маленькими ручками и ножками. Трехдневной небритостью и накрашенными губами. Несколько кокетливых мушек было прилеплено на его обрюзгшем лице. Он был облачен в дамское пальто суконной фабрики "Большевичка", а на его лысеющей голове гордо возвышалась панамка с сильной надписью - "Champion". В общем, вид его был фееричен и богат.

- Она девушка чистая. Строгой морали и пуританского воспитания, - осипшим голосом продолжал незнакомец, - не твоего, Матраскина, поля ягода!

- Дела-а-а... - обалдела Матраскина.

- Угу, - единственное, что выдалось из меня.

- Вы кто? - потрясенно спросили мы хором.

И едва он встал, отставив толстую ножку вперед и гордо запрокинув голову, мы уже знали - это он... Тот самый... Настоящий... Что живет на крыше.

- Так вот... - мы сидели на чердаке, среди голубей и печных труб, Матраскина отдала Карлсону последнюю сигарету, и он, куря и обжигаясь, рассказывал о своей жизни:

- Малыш, паскудик маленький, оказался юным шантажистом и вымогателем... Это он только начал со щенка, это так - детские шалости. За его невинной внешностью скрывался коварный и циничный ум. Он пустил по миру маму с папой, оставил Фрекен Бокк без копейки, хотя тоже, та еще старушка, сейчас притон содержит, старая сводня... Да, так о чем я?..

- О Малыше...

- Ах да! Эх, Малыш, Малыш... Я так любил этого юного развратника... души в нем не чаял, холил и лелеял, в свет так сказать, выпустил... А он...

Смутные подозрения закрались в мою душу...

- Так Вы его что, совратили? - смело удивилась Матраскина.

- Нет... что Вы... Я его любил, - обиделся Карлсон, - это девушка, разные вещи!... Разные!

- Не спорю, не спорю! - быстро согласилась Матраскина, - но что же было дальше?

- А то, - и могучая слеза скатилась с помятого лица Карлсона, - этот маленький потаскун бросил меня... Ради какого-то заезжего франта Артемона... И жизнь моя потеряла всякий смысл...

- Вот, посмотрите... - и он показал нам обвисшие лопасти на подтяжках, грустные, они висели в углу - не летают. - и Карлсон смачно сплюнул, - чего только не пробовал, и спирт, и наркоту всяческую и вазелин!... ничего не помогает! А все от чего?

- От чего?

- Душа не летает! Нету поэтики, размаха!... Эх... - Карлсон махнул рукой, - жизнь штука блядская!.. - и он обречено уставился в окно.

Мы с Матраскиной смотрели на него, старого и забытого Карлсона, опустившегося педераста с красивым прошлым, и нам было мучительно жаль своих детских, наивных лет.

- Эх, - посетовала Матраскина, - а я тебе так верила!...

- Я не виноват, - грустно оправдывался Карлсон, - это все Линдгрэн, все она... душа неумная, а я здесь не причем...

- Линдгрэн не писала чтоб ты детей совращал! - возмутились мы.

- Это не я, - зашелся белугой Карлсон, - мне вообще щенок больше нравился...

- А кто? - опешили мы.

- Мылы-ы-ы-ыш... - простонал Карлсон, вываливаясь в окно...

- Какой-то Лолит получается, - размышляла Матраскина топяя домой со мной рядом, - я чего-то в этой жизни не понимаю...

Народ на тротуаре толпился вокруг мертвого бомжа, а на углу, все так же, стояла Герда Радвейхите, и стойко берегла свою мораль.

Пауза Нежности.

- Послушай... послушай, - Матраскина тихо обняла меня сзади, - как думаешь, мы долго еще будем вместе?... - похоже, Матраскина соскучилась.

- Долго, - бодро отозвалась я, штопая носки, - такие как мы, не разводятся. Они даже умирают в один день...

- Но я не хочу умирать в один день с тобой, - вдруг воспротивилась Матраскина, - это слишком по-детски и несерьезно...

- Отчего? Представляешь, на твои похороны придут все твои тетки: штук пятьсот, или нет, целая тысяча... И все с цветами...

- С белыми пионами?

- С белыми пионами... Они пройдут стройными рядами, твердо чеканя шаг под звуки похоронного марша, отдавая тебе честь...

- ... честь они уже мне отдали, - уточнила Матраскина.

- ... ну, хорошо, не честь... почесть, а в небе будет взрываться фейерверк... А потом они все передерутся, то-то будет битва!..

- а они будут плакать?... - вновь перебила меня мечтательная Матраскина.

- Да, и тушь будет скатываться по их изнеможенным лицам...

- А тушь, какая? "Грим"? - в который раз перебила меня Матраскина, - лучше "Грим", она чернее и не отмывается... пуская ходят в трауре... вдовы...

- Матраскина... - возмутилась я, - кого хороним: тебя или меня? Не перебивай, а то мы тебя до кладбища не довезем...

- Хорошо, хорошо, - заторопилась Матраскина, - только скажи, Герда Радвейхите тоже будет плакать?

- А причем здесь она? - удивилась я, - она же не была твоей?..

- Будет. - завершила меня Матраскина.

- Значит, тоже будет, куда она денется?

- Никуда. - Матраскину охватила мечтательность, - тогда, пожалуй, я согласна... .. умереть.

- Ради Герды Радвейхите?

- Да. Р-р-ради Гер-р-р-рды... - по-тигриному нежно, проурчала Матраскина.

- Умереть?

- Ну, да...

- Блядь... уйди - я не на шутку разобиделась и принялась вырывать из ее объятий, - уйди, Матраскина...

- Но что такое? Что?

- Даже сдохнуть спокойно не можешь... Даже, блин, в гробу, но все о тетках! Уйди, Матраскина, уйди!...

Вот и помри с такой в один день!

Два Одиночества.

Вот и встретились два одиночества! С тихим восторгом я созерцала Герду Радвейхите, узкокосную девицу нордической внешности... Но как всегда, в самый ответственный момент, с транспарантом:

"СМЕРТЬ ЯПОНСКИМ ТРАНСВЕСТИТАМ!"

ворвалась Матраскина и все испортила:

- Это что, вот это вот?! - потряслась она, - Мать! У нее же грудь первый номер!

- Прости, но не первый!.. - попыталась возмутиться я.

- Нет, ну и не нулевой... - Матраскина была критична, но правдива.

- Матраскина, - предупредила я, - Матраскина, я тебя как женщину прошу: Молчи, Матраскина!..

Но Матраскину уже понесло.

- Да она же тощая, об нее люди в метро стучаются! Да, да!.. И потом, - Матраскина заторопилась, - знаю я таких, эстеток несчастных, все из себя на понтах, а пальцы в мозолях от извечной мастурбации!..

Пальцы Герды так стремительно скрылись в карманах, что мы не успели рассмотреть, в мастурбации они или нет. Хотя очень старались.

- И потом, - Матраскина достала джокер из колоды аргументов, - я тебе, как самой моей близкой - она ведь не кончает...

Герда взвыла ментовской сиреной, а сердце мое потрясенно упало.

- Матраскина, - обречено спросила я, - Матраскина, ты уже и ее?..

- Да. - твердо отозвалась она, - потому как это мой святой долг. Надо же мне знать, что за... овощи ...к тебе попадают!..

Что-то глухо бумкнуло. Вероятно, Герда в обморок.

- Вот, - Матраскина продемонстрировала мне ее бесчувственное бади, - припухла...

- Матраскина, - слезы крупным градом катили по моему лицу, - ненавижу тебя Матраскина... ненавижу...

Девочки Никогда Не Ссорятся!

- Девочки никогда не ссорятся, - старательно выговаривал Нахопетов, пытаюсь выдрать мои руки из волос Матраскиной, - никогда!...

- Никогда? - зло переспросила Матраскина, навешивая мне пендаль.

- Никогда. - твердо подтвердил Нахопетов уворачиваясь от моего пинка, предназначенного Матраскиной.

- Совсем никогда? - Матраскину весьма интересовала тема дамских ссор - она только что получила в глаз.

- Ну, разве что, совсем иногда... Так, чуть-чуть... - тут Нахопетов на мгновение упустил из виду руки Матраскиной, и не сумел вернуться от сокрушающего удара в челюсть.

- Ага!!! - восторжествовала Матраскина, - и все-таки они ссорятся!!!

- И еще как! - радостно подтвердила я, прицеливаясь Матраскиной в другой глаз, - и все из-за некоторых, которые тырят чужие колготки! - и я получила в лоб.

- Вот-вот! - Матраскина меня поддержала, - тырят ЧУЖИЕ колготки!

И тут мы потрясенные застыли в недоумении.

- Колготки... Колпотки... Кто же взял колготки?...

Вопрос туманным табачным бубликом повис в атмосфере. Наша растерянность разрослась и заполнила мир вокруг. Мне стало жаль избитую Матраскину, а она, каясь, нежно целовала мою свежую шишку на лбу.

В углу что-то смущенно захрюкало.

- Нахопетов!...

- А девочки ссорятся с мальчиками? - кровожадно спросила Матраскина, превращаясь в хищника и стерву...

Она могла убить за колготки.

Пара Слов о Любви.

- Послушай, - Нахопетов, домашний и в очках "а-ля Черепаха Тартилла", вязал носки, - послушай... что ты думаешь о любви?
- О любви... или о Любви?
- О любви... и о Любви ТОЖЕ.
- Не знаю... - пасьянс у меня не сходил.
- Нет. Я все понимаю. Но все-таки. Мысли же, какие-нибудь, таки есть?
- Любовь, - утерла нос, - слово хорошее, хоть и потасканное изрядно.
- Погрузились в тягостные раздумья под стук Нахопетовских спиц и шлепанье карт по клеенке.
- А все-таки? - Нахопетов был неугомонен.
- Откуда мне знать? Спроси лучше у Матраскиной. Матраскина! - проорала я, - а Матраскина!...
- Между прочим, - Матраскина в фартуке и ножом в руке, была полна достоинства: она готовила "чего-нибудь пожрать", - Между прочим, у меня имя есть.
- Имя у Матраскиной и вправду было.
- Матраскина... шестьдесят семь, - запомнил петлю Нахопетов, - скажи нам, о бесподобная, что есть любовь?
- Любовь? Какая любовь? Какая, блин-компот, любовь? У меня котлеты горят!!!

Моя Половая Роль.

Готовили борщ.

- К вопросу о половых ролях, - ни с бухты-барахты вдруг, начала Матраскина, - я в корне ни с кем не согласна, - она старательно пучила глаза сквозь выступившие слезы - резала лук.
- С кем именно и по какому поводу? - Нахопетов пытался настрогать морковку элегантно соломкой, но почему-то ничего не получалось.
- Морковь надо держать крепко, а не двумя пальчиками, - от лучной едкости у Матраскиной уже текли сопли и вид ее был, более чем, импозантен, - со всеми... вот ты, например, - и она ткнула в меня ножом.
- А я-то здесь причем?! - ловко увернувшись, перепугалась я.
- А при том... ты вот, кто?
- Я?! Это... я человек... девушка я...
- Да не-е-е-е... - отмахнулась Матраскина, чуть не выбив мне глаз, - ты не девушка, ты лесбиянка: это обсуждению не подлежит! - наставительно шмыгнула носом, - возникает вопрос: "КАКАЯ?!" - и она ловко смахнула лук на сковородку - обжаривать.
- Обыкновенная.
- Да, бля, нет же! Нет! Активная ты или пассивная?!
- Чего?! - и челюсть моя, отвалившись шлепнулась на пол.
- Вот, - победоносно заключила Матраскина, - не знаешь... И, что особенно интересно, - она задумчиво попробовала бульончик, - ... соли не хватает... Что особенно интересно - я тоже даже не представляю, активная ты или пассивная..
- Как это, - опешила я, роняя на пол ложку, - не представляешь?!..
- Ой! Ща баба придет! - Матраскина заинтригованно заблестела очками.
- Главное, - некстати ляпнул вдруг Нахопетов, - это что бы ногти всегда были вовремя обстрижены.

Перекур.

- Сидя на скамейке, я пыталась заняться чем-нибудь содержательным, но ничего путного в голову не приходило. Пришлось курить. По дорожке несея столб пыли, я знала - это не цунами, не тайфун...это Матраскина.
- Она была грустна, бледна и изысканно развратна.
- Ну?... - и я засмотрелась на ее линию губ.
- и НИ-ЧЕ-ГО... ровным счетом - ее уголки упали куда-то ниже уровня земли, - Аааааа... издеваются! - проорала она, - шутят!!! И кто?! Взрослые теткы!!! И не стыдно?!
- Спокойствие... только спокойствие... - обожаю Карлсона, - дышите глубже и легче...
- Какое легче?! - Матраскина вздохнула тяжело, - потаскуха я, вот те крест - потаскуха...
- Матраскина, фи... что за упаднические настроения? - нравится мне слово "упаднические", -возьми себя в руки. Матраскина зятянулась моей сигаретой и туманно взглянула на меня.
- Лучше ты... возьми меня в СВОИ руки...
- Спору нет - Матраскина потаскуха.

Кухонные Посиделки.

- Что может быть лучше, чем собраться теплой компанией, выпить и потрепаться о тетках? Пожалуй, разве что - пофлиртовать в этой компании. Вчетвером, я, Матраскина, Нахопетов и, конечно, Герда Радвейхите, мы сидели на кухне и элегантно потребляли. За окном стремительно вечерело, а Матраскина стремительно набиралась.
- Когда она доходила до кондиции, то бредила лишь об одном: - А что, девочки, давайте целоваться! - при этом она не отрывала глаз от Радвейхите.
- На брудершафт! - по-армейски рявкнула Герда залядываясь на Нахопетова, тот, испуганно натянув юбку до самого пола, стремительно переместился по направлению ко мне.
- Экая ты сволочь... - с укором произнесла гордая Герда, с ненавистью вглядываясь в мое лицо.
- Целоваться, девочки, целоваться! - Матраскина была пьяна и так хороша, что у меня засосало под ложечкой. Срочно надо было что-то делать - я вождедела Матраскину. Матраскина, похоже, моих эмоций не разделяла, упорно всматриваясь в бледное лицо Радвейхите. Радвейхите же не отрывала взора от Нахопетова, который смущался, терялся и откровенно страдал: на дрожащих, накладных ресницах его, виднелись робкие девичьи слезы...
- Какие вы... стервы все... - разочарованно махнула рукой Матраскина.
- Я не стерва, - грустно сообщил заплаканный Нахопетов, - я в печали...
- У Нахопетова было разбито сердце.
- И разбил его Маврикий Бабак.

Лирическое отступление о том, как Маврикий Бабак по воду ходил.

Элегантно махая ведерком, Маврикий Бабак шел по воду. Придерживая одной рукой кокошник на курчавой, коротко стриженной негритянской голове и слегка повизгивая, он, задрав подол красного сарафана, склонился к темным водами Даугавы... Именно таким он вошел в сердце Нахопетова. Именно таким он и остался в нем. Навсегда.

- Ангел... - восхитился Нахопетов, - Ангел явился мне! Благословение снизошло на меня!

- Блядь! - сказал Ангел, соскальзывая в пучину реки.

- Интересно, - подумал Нахопетов, - Ангелы умеют плавать?

Вьяснить это так и не удалось. Зато доподлинно известно, что ангелы умеют весьма истерично тонуть: с визгами, брызгами и кругами спасения.

- Жаль кокошник, - отдышавшись, и придя в себя, сообщил Маврикий, - неповторимая была вещь.

Элегантно закинув ногу на ногу, обнажив чернокожее бедро и кирзовый сапог 45 размера, низким и томным голосом спросил:

- Кто Вы, мой спаситель?

Нахопетов лишь потрясенно молчал, прислушиваясь к ощущениям души и низа живота.

- Ну, скажите хоть чего-нибудь! - игриво допытывался мокрый Бабак.

- Чего? - внезапно оступел Нахопетов.

- Ну, увлеките меня куда-нибудь... - капризно требовал Маврикий.

- Куда? - непонял Нахопетов.

- Ну, все. - решительно вставая обиделся Маврикий, - Куда катится мир? Я-то дура, обрадовалась! Опасность!!! Герой!!! Тьфу... - он отжал подол сарафана, - Тоже мне: Джентльмен! - Маврикий вылил воду из сапог, и перекинув их через плечо, с песней "Зачем, вы, девушки, красивых любите?", покинул растерянного Нахопетова.

- Дурак ты, Нахопетов, - сказала свалившаяся с луны, а потому пребольно ударившаяся, Матраскина, - Обидел даму!

- Дурак ты, Нахопетов, - устало сказала Матраскина, разливая остывший глинтвейн, - обидел даму!

Нахопетов лишь молчал, потая слезы.

- На брудершафт! - корыстно гавкнула нечуткая Радвейхите.

- За Любовь, девчонки! - Нахопетов залпом осушил стакан и рухнул под стол. Кажется, замертво.

Радвейхите изячно нас покинула и, посмотрев в мои невыразимые глаза, Матраскина постановила:

- Целоваться сегодня не будем!

Вот. Вот так всегда. Мне давно доподлинно известно:

- Жизнь говно, все люди - бляди!

Дилеммы Матраскиной.

Матраскина сидела на краю постели со смятыми простынями и мучилась:

- Прямо, не знаю... брить ноги?... Или не брить?... - остро толкнула меня в бок, - милая, скажи чего?...

- Отстань Матраскина, я спать хочу. - в семь утра какие советы...

- Нет, ну надо какая наглость! - чистосердечно возмутилась Матраскина, - у твоей жены сегодня свидание - а ты... ни оком, ни зубом! Возмутительно! - после бурной ночи Матраскину обуревала жажда деятельности, и она готова была горы свернуть, - Потрясающе воз-му-ти-те-ль-но! - проорала Матраскина над моей закутанной в одеяло головой и отправилась в ванную - брить ноги.

Полчаса из ванной раздавались сдержанные ругательства, грохот обваливающегося тела и шлепание босых ног по потолку. Затем, все подозрительно затихло...

- Вот... - Матраскина победоносно выставила белую, как сметана икру, - вот он, результат долгих мук...

- Матраскина, - подперев голову кулаком, я смотрела на нее - мокрую и близорукую, - Матраскина, ты далека от пропорций Бельведера Аполлонского...

- Ха! - Матраскина сотряслась своим породистым телом, - не это в женщине главное, -вкрадчиво пояснила она, - главное в женщине, это обаяние и шарм...

Мда-с, уж чего, чего, а этого добра у Матраскиной предостаточно.

- А кроме того, - продолжала Матраскина теряясь в поисках своих очков, - наглость и напор... Бастионы ведь берут штурмом?! Блин... да где же...

- Посмотри на холодильнике, - посоветовала я и отвернулась к стенке - спать.

Страшный Сон Матраскиной.

- Боже, боже, боже-е-е!!! - проорало у меня над ухом, и я проснулась.

- Что, что случилось? - перепуганный Нахопетов ворвался в нашу спальню.

Матраскина, с глазами полными ужаса, бледным лицом, твердо сжатыми челюстями, мертвой хваткой вцепилась в мою грудь.

- Да, что стряслось? - я пыталась отцепить ее от себя.

- Представляете... нет, вы представляете, - тихим, потрясенным голосом произнесла Матраскина, - мне приснилось, что Радвейхите отдалась мне...

- Тьфу ты, я думал вселенская катастрофа... - и Нахопетов опять отправился спать.

- Господи, Матраскина, - один за другим я отдирала ее пальцы от своего изнеможенного бюста, - ты же бредишь о ней днем и ночью... днем и ночью, - последний палец Матраскиной упорно не желал расставаться со мной, - ты же только и думаешь, как бы трахнуть ее, - сопротивляющийся палец Матраскиной стремительно менял цвета: от темно-синего до пурпурно-фиолетового, но бастионов своих не сдавал.

- Во-первых, не трахнуть, а соблазнить, - Матраскина была предельно серьезна, - а во вторых: я совсем не хочу, чтоб она соблазнялась.

- Как это? - опешила я, потеряв контроль над пальцами Матраскиной, и они вновь проворно прилипли ко мне.

- Так... Должны же быть в жизни недостижимые вершины...

- Чего-чего?

- Благородные идеалы... чтоб было к чему стремиться...

- Матраскина, ты не заболела? У тебя жар? Ты бредишь?

- Нет, - руки Матраскиной печально опустились, и я вздохнула спокойно, - нет, я здорова как никогда... Просто это

очень грустно, когда ты легко и просто спишь со всеми... со всеми - со всеми... Это банально, привычно и неинтересно,
- Матраскина грустно вздохнула, - нет интриги... интереса нет, новизны... нету волнительности!...
- Матраскина... - я была потрясена до глубины души, - Матраскина... да ты романтик!
- Да, - грустная слеза скатилась с гладкой щеки Матраскиной, - наверное, я старею...
- Если Радвейхите все-таки отдастся тебе - твердо пообещала я, кладя ее руки обратно на свою грудь, - я ее убью!
Честное благородное слово!
!Спасибо, - прониклась Матраскина, - я всегда знала, что только ты меня понимаешь.
Вот так вот иногда узнаешь, что мир еще не совсем скурвился...

Лото Матраскиной

Команда японских трансвеститов испуганно прижалась к парапету Троицкого моста, пытаясь выдержать полный негодования и горечи взгляд разгневанной Матраскиной.

- Что вы с ними делаете, Герда? - и она метнула на них мстительный взгляд, - Что?!... Герда лишь молчала, затягиваясь тонким Slims.

- Это же пародия какая-то... издевательство! Мне, как лесбиянке, обидно за всех женщин мира! Тьфу!!!

- Успокойся, Матраскина, - Нахопетов отрепетировано краснел и дрожал ресницами, - не порть мою репутацию...

- А она у тебя была?! Тоже мне - ЦЕЛКА!

- Блядь, Матраскина, - терпение мое истощилось, - оставь педиков в покое, чего привязалась-то?!

- И ты... - Матраскина саркастично сощурившись посмотрела на меня, - и ты туда же... педофилка...

- Педофилка - это которая детей любит, - сквозь зубы прошипел Нахопетов и мило заулыбался тощему японцу с большими зубами, - а это трансвеститы...

- А мне насрать, кто они там, - разъярилась Матраскина, - они не имеют ни какого морального права ходить в юбках! Не имеют!!!

- Это не юбки, это кимоно - устало пояснила я, - традиционная японская одежда...

- Женская! Женская одежда...

- Она у них бесполовая... - Нахопетов извлек из ридикюля пудреницу и собирался в нее уставиться, - по-моему... хотя, может быть, я вру...

- Герда! - Матраскина зло и умоляюще уставилась на Радвейхите, - Вы-то хоть скажите чего-нибудь?!

Герда выкинула докуренную сигарету изо рта и отняв у Нахопетова пудру, отправилась ободрять перепуганных Матраскиной баскетболистов.

- Бля-я-я-я... - прошипела Матраскина, - как дивная лесби - так ее не колышет, а как мужик в юбке, так вышагивает павой... Тьфу, аж зло берет! - и она в гневе ударила кулаком по перилам моста.

- Сознайся Матраскина, ты ревнуешь... - Нахопетов стеснительно улыбнулся, оправляя модный шарфик, - ты ревну-у-у-ешь, Матраскина...

- Я не ревную, - взъерошилась она, - я просто не понимаю! Не понимаю я!!! Объясните!!

- Чего тут объяснять, Матраскина, просто Радвейхите действительно не твоего поля ягода... - я устала и хотела курить.

Удалившиеся японцы восхищенно цокали языками и семена мелкими шажочками, фотографировали Герду с разных ракурсов.

- Полюбуйтесь, - Матраскина ткнула в них пальцем, - стадо блядищ!...

- Матраскина... - потрясся вдруг Нахопетов, - да ты хочешь на сеновал?!!!

- Это, между прочим, вполне естественное желание, - обиделась Матраскина и попробовала поприжиться ко мне.

- Я пас, - поспешно буркнула я, отстраняясь, - у меня сегодня климакс... Глубокий.

Нахопетов хрюкнул в шарфик и торопливо отвернулся.

- Что?... Что?!.. Как это?... - Матраскина так растерялась, что мне стало ее немного жаль.

- Ну, это только на сегодня, - уверила я ее, делая честное лицо, - Правда-правда...

И небо почему-то сделалось мучительно голубым и высоким.

- Ну... - вовремя встрял Нахопетов, - мы пойдем?! Нам пора... это... в библиотеку...

- Да-а-а-а... - совершенно искренне подтвердила я, - в библиотеку... в эту... в театральную.

- Мы скоро, - заверили мы Матраскину и чмокнув ее на прощанье - испарились.

- Славно, что Матраска нет, - Нахопетов поставил бочку на квадратик, - весь кайф бы сломала... Язва... - мы обожали лото и периодически сбегали в Дворец Пионеров - поиграть.

- Бинго!!! - победоносно проорала я, мучительно осознавая, что лежа сейчас в темной и широкой постели, Матраскина тихо и беспомощно плачет...

Не от обиды... от Одиночества...

Гений Нахопетова.

- Пизде-е-е-е-ц... - нараспев нежно пропел Нахопетов, наблюдая за расплзающейся стрелкой на колготках. Нахопетов был гением.

Об этом знали все, даже Матраскина. В чем именно заключалась его гениальность - никто толком сказать не мог.

- Главное, - мудро изрекала Матраскина, старательно выщипывая брови, - это всеобщее осознание твоей неординарности... а в чем именно она заключается - дело десятое, - и она зло выдернула непокорную бровинку, - понимаешь, Нахопетов, необычность - двигатель успеха.

Но дело-то было не в необычности. И даже не в двигателях.

Просто Нахопетов пропадал. Как Личность и Мужчина.

- Отчего бедному гею не везет в любви? - сетовал Нахопетов, кидаясь в омут очередной интриги, - попой чувствую - все кончится плохо... поверьте - ПОПОИ!!! - и он многозначительно поднимал к небу палец.

- Не отчаивайся, мой друг, уныние - первый признак проигрыша...

- Матраскина была настроена более чем оптимистично, - будет и на нашей улице праздник!

- Легко тебе говорить... - сокрушался Нахопетов и отправлялся наводить марафет, - а у меня старость на горизонте резвится... Что я буду делать через пару-то лет?

- То же что и сейчас... чего-нибудь чувствовать попой.
- Точнее: кого-нибудь, - хрюкнула я неприлично.
- Господи, какая, все-таки, ты еще девочка, - задумчиво молвила Матраскина, в очередной раз стремительно лишая меня невинности.

Не везет нам в карты, повезет в ...

- Бросьте, батенька, бросьте... - Матраскина строго взглянула поверх карт, - шулеров не терпим.
- Шулеров бьем, - подтвердила я, натягивая майку до самых пят.
Играли как обычно - на раздевание.
Нахопетов, наглый и довольный словно кот, натрескавшийся дармовой сметаны, поправил галстук, сдул не существующую пылинку с отпаренного пиджака и элегантно движением выложил карту..
- Нахопетов сволочь, сволочь, сволочь! - скороговоркой проругнулась я, стягивая последнее, что осталось - майку, торопливо кутаясь в простыню.
- Ха! - яростная Матраскина с вызовом сдернула с ноги фиолетовый, в черный горох, носок, - эротика-стритиз, дамы и господа! - и она зашвырнула его на люстру (где, кстати, он и висит по сей день).
- Продолжаем?
- Сдавай!
- Я пас, - мне было грустно - мне больше нечего снимать.
- Действительно, нечего... - Матраскина с Нахопетовым задумались на мгновение.
- Можешь, - Нахопетов был сегодня добрый, - надеть мой гидрокостюм, и мы разденем тебя заново!
- Отличная идея, - Матраскина была довольна, - я всегда говорила, что маска тебе идет!
- Да, - я была полна достоинства, - она подчеркивает овал моего лица.
- Продолжаем?
- Сдавай.
Играть в маске было довольно неудобно - запотевало стекло, да и дышать было тяжело, так как Матраскина постоянно шхерила в мою трубку карты.
- Раздевайте скорее! - взмолилась я, - а то помру аквалангистом!..
- Терпение, мой друг, терпение... - Нахопетов был спокоен и аристократичен, - от чего-то, Вам постоянно в карты не везет? - и он изогнул бровь дугой.
- Зато, - с достоинством произнесла голая Матраскина, - нам везет в любви!
И подхватив меня на руки, оправилась в спальню.
Брать реванш.

Третий Лишний.

Нас повязали неожиданно.
- Бля!.. Уходим, уходим огородами, - но шухер запоздал, и нас обложили.
Менты нагрянули и почему-то запихнули нас в одну смиренную рубашу. Что разозлило Нахопетова чрезвычайно:
- Я человек, - орал он, вырываясь из цепких ментовских рук, - это, заметьте, звучит гордо!!! Менты послушали, послушали, и им надоело. Зубы Нахопетова тихо хрумкнули и вывалились мелкой крошкой на асфальт. Больше он не разговаривал. Интеллигентность Матраскиной тоже не заставила себя долго ждать:
- Господа, господа, - лягаясь, частила она, - господа, вы ведете себя дурно... Господа, вашу мать!..
Бить Матраскину в лицо менты постеснялись, девушка все - таки, но ее так похлопали ниже пояса, что Матраскина прибалдев, лишилась дара речи.
Нас погрузили в вонючую колымагу, где мы и ехали мордой в пол.
Нахопетов оплакивал свои выбитые коренные, а Матраскина потихоньку приходила в себя от пережитого оргазма. Удивительно седой и спокойный дядька - доктор, с внешностью пупса до революционных времен, осмотрев глазные яблоки и вывороченные веки, радостно поздравил:
- Старая добрая классика!... Раздвоение личности!..
Я, забившись тихой мышью, затихла где-то в углу. Нахопетов с Матраскиной удивленно переглянулись, им явно кого не хватало...
- Хотя... постойте, постойте... - профессор-пупс, внимательно всматриваясь, наклонился к моему лицу, - это что за номер?
Третий? Боже мой, - ошарашено прокудахтал он, - Третий!..
Радвейхите с мерзкой улыбкой тихо шхерилась за спины медработников.
- Четвертый!.. - поправила я профессора, и моя рука тренированно вошла санитару в пах, драки с Матраскиной не прошли бесследно.
!Держите личность! Уходит, уходит, собака!.. - взвыл профессор, но было поздно...
Виртуозно раскидав бледных медиков, я стремительно удалялась по гулкому больничному коридору, тяжелыми ботинками выбивая прощальную морзянку.
Сквозь толстую больничную решетку вслед за мной тянулись тоскливые взоры Нахопетова и Матраскиной, удивительным образом умещавшиеся на одном, таком родном лице.
На нем крепла уверенность и злость:
- Наши на свободе... Мы еще повоюем!..

А на углу, все так же гордо, стояла непоколебимая Герда.

Вдова, СПб, осень 1999 - весна 2000.